

Никону милостыню и подарки отъ царя и царского семейства. Царь послалъ 100 рублей денегъ, царица — мѣхъ соболій и мѣхъ бѣличій хребтовый, 10 полотенъ, 15 полотенецъ, царевичи — 100 рублей денегъ. Послано было также рыбы, икры и разныхъ сластей.

Никонъ могъ теперь спокойно жить въ Ферапонтовѣ, обнадеженный милостью къ нему царя, при полномъ и даже роскошномъ материальномъ обеспечениі. Но вслѣдъ за минутной радостью безпощадная судьба готовила опальному патріарху новый жестокій ударъ.

VII.

„На блаженного Никона паки діаволь бурю возставляетъ чрезъ свое орудіе — злыkhъ человѣкъ“.

Шуширии.

Старый патріархъ находился подъ радостнымъ впечатлѣніемъ отъ только что объявленной ему царской милости. Но не успѣлъ еще уѣхать изъ Ферапонтова царскій посолъ Косьма Лопухинъ, какъ туда прибылъ другой посолъ изъ Москвы — братъ Косьмы Феодоръ Абрамовичъ Лопухинъ¹. Печальную новость сообщилъ патріарху этотъ вѣстникъ: «блажочестивѣйшій царь Алексѣй Михайловичъ преставися отъ сего свѣта къ вѣчному блаженству» († 29 января 1676 года)². Заплакалъ старый патріархъ при неожиданномъ извѣстії о смерти царя, много чувствъ и воспоминаній пробудило оно въ его душѣ; по вскорѣ онъ поборолъ смущеніе и, глубоко вздохнувъ, сказалъ: «да будетъ воля Господня! хотя царь здѣсь (на землѣ) не получилъ прощенія съ нами, но мы бу-

¹ Будущій тестъ Петра Великаго, отецъ первой его супруги Евдокіи Феодоровны.

² Въ своей такъ называемой духовной грамотѣ, которая по тогдашнему обычая читалась при погребеніи, царь Алексѣй Михайловичъ писалъ: „отъ отца моего духовнаго великаго господина святѣйшаго Никона іерарха и блаженнаго пастыря — и аще и не есть иныѣ на престолѣ — прощенія прошу и разрѣщенія“. Нужно однако замѣтить, что подлинность этой грамоты подвергается сомнѣнію учеными изслѣдователями. См. у Иконникова, 37.

демъ судиться съ нимъ въ страшное пришествіе Господне». Посолъ, согласно данному порученію, сталъ просить Никона дать письменное разрѣшеніе почившему государю. Но Никонъ, отожествлявшій свое дѣло съ интересами церкви, не могъ простить своего униженія, которое, дѣйствительно, привило большой вредъ русской церкви. Своимъ отказомъ дать прощеніе покойному государю Никонъ, очевидно, рисковалъ навлечь на себя новыя бѣды, но онъ и тутъ не хотѣлъ поступиться своими убѣжденіями. «Подражая учителю своему Христу, твердо отвѣчалъ Никонъ на просьбы послы, по скажанному въ св. Евангелии: оставляйте и оставится вамъ, и я говорю: Богъ его простить, а на письмѣ прощенія не учиню, такъ какъ онъ при жизни своей не освободилъ насть изъ заточенія». Молиться о душѣ покойнаго государя Никонъ, конечно, не отказался и милостыню на поминъ его души (100 рублей денегъ и мѣхъ песцовыи черный) отъ послы принялъ¹.

Царь Алексѣй Михайловичъ, въ глубинѣ души сознавшій себя отчасти виновнымъ въ паденіи Никона, до конца своей жизни покровительствовалъ опальному патріарху и не любилъ даже, когда въ его присутствіи вспоминали о преступкахъ, за которые Никонъ подвергся соборному низложению². Со смертію его обстоятельства для Никона измѣнились къ худшему. На престолъ вступилъ двадцатилѣтній сынъ царя Алексія — Федоръ Алексѣевичъ, отъ природы слабый и болѣзненный. При немъ тотчасъ забрали силу его родственники по матери Милославскіе и съ ними бояринъ Хитрово — злѣйшіе враги Никона. Нарышкины и бояринъ Матвѣевъ, давній другъ Никона, были удалены отъ двора и отправлены въ ссылку. Смерть царя Алексія Михайловича развязала руки и патріарху Іоакиму, давно ожидавшему случая расправиться съ нелюбимыми имъ духовными особами, которымъ покровительствовалъ покойный царь. Прежде всего пострадалъ царскій духовникъ протопопъ Андрей Савиновъ, который принадлежалъ къ сторонникамъ опальнаго Никона и служилъ посредникомъ при передачѣ царю его писемъ и челобитныхъ,

¹ Шушеринъ, 91.

² Свящ. П. Смирновъ. Іоакимъ патріархъ Московскій. Москва. 1881 стр. 52.

привозимыхъ изъ Фееропонтова дьякономъ Мардарiemъ. Съ патріархомъ Іоакимомъ онъ находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Іоакимъ еще при жизни царя хотѣлъ погубить ненавистнаго протопопа, обвиняя его въ безнравственной жизни и неуваженіи къ нему, патріарху, но не имѣлъ успѣха. На похоронахъ царя между ними произошло новое столкновеніе, но защищать духовника теперь было некому. 14 марта 1676 года патріархъ созвалъ соборъ и осудилъ протопопа за разныя вины къ лишенню сана и ссылкѣ въ Кожеезерскій монастырь.

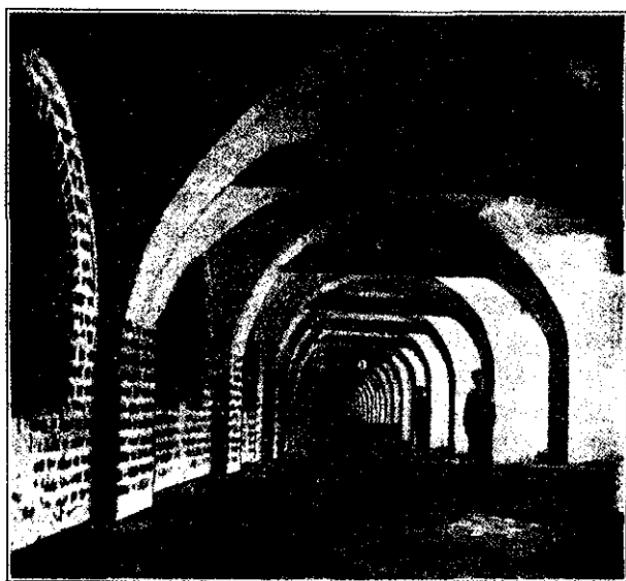
Любопытно, что Іоакимъ, между прочимъ, обвинялъ духовника въ томъ, что онъ «вражду положилъ между нимъ, патріархомъ, и царемъ и привель царя на то, что не хотѣлъ ходить въ соборную церковь и къ нашему благословенію»¹. Это заявленіе Іоакима имѣть значеніе для характеристики отношеній его къ опальному патріарху Никону. Замѣчая въ царѣ явное нерасположеніе къ себѣ на ряду съ милостивымъ отношеніемъ къ прежнему «собинному» другу — опальному Никону, Іоакимъ, ревниво оберегавшій свою власть, естественно долженъ былъ встревожиться и смотрѣть на Никона, какъ на соперника, который при случаѣ можетъ быть опаснымъ. Ему памятно было, какъ упрямый Никонъ отнесся къ его запрещенію называться патріархомъ и уже за одно это онъ не могъ оставить его въ покое.

И дѣйствительно, въ то время какъ восторжествовавшая придворная партія по своему раздѣльвалась съ нелюбими ей лицами, скоро дошла очередь и до старого патріарха, жившаго въ своемъ заточеніи. Прежде всего нашли нужнымъ смѣнить прежняго пристава Шайсупова. 29 марта 1676 года на его мѣсто былъ посланъ новый приставъ Иванъ Ивановъ Ододуровъ, которому данъ былъ наказъ строже наблюдать за Никономъ. Ододуровъ сразу же стѣснилъ свободу Никона, запретилъ ему и его монахамъ свободный выходъ изъ келлій, поставивъ кругомъ караулъ изъ стрѣльцовъ. Въ донесеніи своемъ въ Москву (18 апрѣля) онъ описывалъ виѣшній видъ келлій Никона, совсѣмъ не похожихъ на кельи ссылочнаго монаха, и говорилъ, что «стрѣльцовъ съ нимъ послано мало и въ такомъ великомъ мѣстѣ карауловъ тѣми стрѣльцы об-

¹ См. Соловьевъ. XIII стр. 244.

нять невозможно». Постороннимъ лицамъ былъ снова запрещенъ доступъ къ Никону, и онъ долженъ былъ теперь прекратить свои занятія леченіемъ больныхъ. Словомъ, для Никона какъ бы вернулись первые годы сурогаго заточенія¹.

Но его ожидали еще новыя непріятности. Еще до пріѣзда Ододурова, возмущенный грязными сплетнями по поводу своей благотворительности, онъ подалъ Шайсупову челобитную на распространявшаго эти сплетни служку Игнатія Башковскаго и заявляя, что знаетъ за нимъ слово и дѣло государево, требовалъ, чтобы взяли Игнатія на допросъ въ Москву вмѣстѣ

Видъ галлерей во второмъ ярусѣ крѣпостной стѣны Кирилло-Бѣлозерского монастыря.

сь его дворовой женциной Киликейкой. Въ своей челобитной Никонъ по обыкновенію подписался патріархомъ. 13 апрѣля эта челобитная была доложена молодому государю съ его соѣтниками боярами, а потомъ сообщена Іоакиму, которому было особенно непріятно, что Никонъ не смотря на его запрещеніе, по прежнему продолжаетъ писаться патріархомъ. Требуя вызова Башковскаго въ Москву, Никонъ надѣялся,

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 94, стр. 349, № 100 стр. 872.

что нелѣпость его сплетенъ обнаружится на допросѣ. Но онъ весьма ошибался въ этомъ случаѣ и поступилъ довольно опредѣльно. Дѣло попало въ руки его недоброжелателей, которыхъ не было расчета заботиться о его добромъ имени. На-противъ, они рады были слушать всякия сплетни о Никонѣ и старались не подавить, а еще болѣе раздуть ихъ. Башков-скій на допросѣ разсказывалъ, будто одинъ крестьянинъ умеръ отъ лекарства Никона (добавивъ потомъ, что отъ его лекарства «помирали многіе, а никого не объявило, чтобы излечились») доносилъ также, что Никонъ стрѣляетъ изъ пищали и изъ кельи застрѣлилъ птицу баклана, что къ нему прѣѣзжали въ гости родственники изъ Курмыша¹.

Всѣ эти показанія давали врагамъ Никона поводъ воз-будить дѣло о его жизни въ заточеніи. Осудить его имъ теперь было не трудно, стоило только побольше собрать всякихъ слуховъ и сплетенъ о жизни Никона въ Ферапон-товѣ. За этимъ дѣло не стало: Никонъ и въ заточеніи за свой строгій и тяжелый характеръ пріобрѣлъ себѣ недобро-желателей, которые при возникшой надобности могли доста-вить цѣлый ворохъ всякихъ былей и небылицъ о жизни опального патріарха въ Ферапонтовѣ. Притянули къ допросу бывшаго тогда въ Москвѣ пристава Шайсупова: «зачѣмъ онъ ево, Никона монаха, попустилъ такія вольности чинить», о которыхъ разсказывалъ Игнатій. Шайсуповъ далъ письменное показаніе за свою подпись. Мы уже видѣли, что отноше-нія между нимъ и опальнымъ патріархомъ стали подъ конецъ далеко не дружелюбными. Вызванный къ допросу хитрый князекъ татарского рода смекнулъ, куда дуеть вѣтеръ, и въ своихъ показаніяхъ черными красками изобразилъ жизнь Никона въ заточеніи. Онъ объяснилъ, что Никонъ его ни въ чемъ не слушалъ и никому слушать его, князь Самойла, не велѣлъ, приказывалъ называть себя патріархомъ, ставилъ кресты съ надписями о своемъ заточеніи. Ссылаясь на слова сотника Андрея Есипова, бывшій приставъ разсказывалъ, что Никонъ, дѣйствительно, стрѣлялъ въ птицу баклана изъ своей кельи «и тое птицу обраницъ и велѣлъ у нее крылья и голову и ноги обсѣчь за то что она поѣдала у него рыбу», что осердясь приказывалъ бить пропинившихся людей палками

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 94, стр. 344.

и плетью. Шайсуповъ разсказывалъ также о леченіи Никономъ больныхъ, о раздачѣ бѣднымъ милостыни, но при этомъ не удержался отъ гнусныхъ клеветъ на престарѣлаго патріарха, обвиняя его на основаніи слышанныхъ сплетенъ въ нетрезвой и нечистой жизни¹.

Межу тѣмъ и въ Ферапонтовѣ стало всѣмъ ясно, что отношение правительства къ Никону круто измѣнилось и что на Москву теперь охотно повѣрять всѣмъ обвиненіямъ на Никона. Люди, желавшіе отомстить Никону, не замедлили воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Ферапонтовскій служка Ивашко Кривозубъ, незадолго передъ тѣмъ жестоко наказанный «за воровство» по приказу Никона и общему приговору монастырскихъ властей, явился теперь въ Москву съ извѣтствомъ па Никона. Онъ доносилъ, что Никонъ однажды въ монастырской празднике Рождества Богородицы не принялъ къ себѣ въ келью иконы, гдѣ на поляхъ были написаны пр. Ферапонтъ и Мартиніанъ, говоря, «что за мужики написаны» и приказывалъ ихъ скрестъ; что по смерти государя онъ напивался пьянь и приказывалъ бить служекъ и крестьянъ, причемъ сильно пострадалъ и самъ извѣтчикъ, будто бы избитый стрѣльцами и келейниками замертво; что въ Пасху и другіе праздники игуменъ со всѣми монахами и служками приходялъ къ нему на поклонъ и онъ даетъ имъ цѣловать руку; что, распоряжаясь всѣмъ самовластно, онъ учинилъ у себя приказъ и губу; что, наконецъ, отъ его лекарства умерла крестьянская девица.

Въ это же время извѣстный уже намъ Іона Серебрякъ, неоднократно подвергавшійся отъ Никона «смирению» за пьянство, объявилъ за собою дѣло государево и былъ отправленъ приставомъ въ Москву. На допросѣ онъ обвинилъ бывшаго патріарха въ томъ, что тотъ живеть не по-монашески, въ церковь ходить мало, за государя и патріарха Бога не молить и своимъ священникамъ не велить, а себя велить поминать патріархомъ московскимъ, «государево жалованье, присланное къ нему, ни во что ставить и ногами топчеть и всякими неистовыми словами великаго государя злословить, о чёмъ и помыслить страшно». Послѣднее обвиненіе было явнымъ преувеличеніемъ: извѣстно, что Никонъ только въ на-

¹ Тамъ же, 345—348, 350.

чалъ заточенія рѣзко обнаруживалъ свое недовольство царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, потомъ же отчасти примирился съ нимъ и сталъ принимать его присылки.

Но всего этого показалось мало. Изъ приказа тайныхъ дѣлъ извлечено было прежнее, казалось бы, уже оконченное дѣло по обвиненію Никона въ споменіяхъ съ казаками и Стенькою Разинъмъ. Врагамъ Никона было понятно, что политическое обвиненіе, хотя бы и не доказанное, скорѣе всего можетъ отягчить судьбу Никона.

Такимъ образомъ материалъ для обвиненія Никона былъ набранъ въ достаточномъ количествѣ. Правда материалъ этотъ былъ ненадежный и непроверенный, но обѣ этомъ немного заботились. Патріархъ Іоакимъ приказалъ на основаніи собранныхъ обвиненій составить докладъ по дѣлу о Никонѣ и представить его на соборъ, состоявшійся въ Духовъ день 14 мая 1676 года въ присутствіи царя и бояръ¹. На соборѣ этомъ безъ суда и слѣдствія порѣшили перевести Никона изъ Ферапонтова монастыря въ Кирилловъ и держать его тамъ подъ строгимъ надзоромъ «для того что онъ жилъ въ Ферапонтовѣ монастырѣ своевольно въ небреженіи о душѣ своей». Для исполненія этого приговора рѣшено было послать въ Ферапонтовъ чудовскаго архимандрита Павла и думнаго дворянина Ивана Желябужскаго съ дьякомъ Семеномъ Румянцевымъ. Имъ данъ былъ подробный наказъ, точно опредѣявшій, что они должны были говорить Никону и какъ поступить съ нимъ и его имуществомъ. Въ наказѣ все до мелочей предусмотрѣно было заранѣе даже то напр., въ какихъ кельяхъ помѣстить Никона въ Кирилловѣ монастырѣ. Слѣдователямъ велѣно было допросить Никона по всѣмъ пунктамъ взведенныхъ на него обвиненій, но этотъ допросъ долженъ быть оставаться пустой формальностью, потому что судьба онального патріарха была уже заранѣе предрѣшена въ наказѣ. Въ случаѣ, если Никонъ обнаружитъ упорство и неповиновѣліе присланнымъ слѣдователямъ, наказъ предписывалъ имъ сначала увѣщевать его, а если не послушаетъ, взять изъ кельи силой «какъ можно»². Одновременно патріархъ Іоакимъ послалъ указы властямъ

¹ См. П. Ф. Николаевскій, 93.

² Дѣло о п. Никонѣ № 94 стр. 359.

Кириллова и Ферапонтова монастыря о переводе Никона въ Кирилловъ.¹

Слѣдователи прибыли въ Ферапонтовъ 5 іюня утромъ. Съ ними пріѣхали изъ Кириллова архимандритъ Никита и келарь Гедеонъ. Въ монастырѣ еще не кончилась обѣдня. Прибывшіе тотчасъ послали къ Никону пристава и сотника съ приказомъ явиться въ соборную церковь для выслушанія указа отъ царя и патріарха. Напрасно опасались упорства со стороны Никона: онъ безпрекословно выслушалъ приказъ и только спросилъ, когда именно нужно идти. По окончаніи обѣдни архимандритъ Павель послалъ за Никономъ кирилловскаго архимандрита съ келаремъ, ферапонтовскаго игумена и сотника. Никонъ тотчасъ же отправился съ ними въ соборную церковь. Онъ безъ сомнѣнія предвидѣлъ, какого рода указъ ему придется выслушать въ церкви, догадывался также, чьими клеветами воспользовались его враги. Отправляясь въ церковь, онъ захватилъ съ собою сыскное дѣло про Ивашку Кривозуба — одного изъ наиболѣе злобныхъ своихъ клеветниковъ.

Когда онъ пришелъ въ церковь, слѣдователи объявили ему, съ какою цѣлію они посланы въ Ферапонтовъ монастырь. «Не убоюся отъ темъ людей, окрестъ нападающихъ на мя, отвѣчаль имъ Никонъ, аще что и смертное пострадати готовъ есмъ». Желябужскій грубо прикрикнулъ на опального патріарха, но послѣдній не захотѣлъ съ нимъ говорить, а заявилъ архимандриту Павлу: «хотя и ты (будучи архимандритомъ) посланъ къ намъ (патріарху) вопреки св. канонамъ, но все-таки лучше ты говори съ нами, а этому прикажи замолчать»². Дьякъ Румянцевъ началъ читать наказъ и обвинительный актъ, состоявшій изъ многихъ пунктовъ. Во все это время Никонъ держалъ себя спокойно и съ достоинствомъ, что было засвидѣтельствовано архимандритомъ Павломъ въ донесеніи патріарху Іоакиму: «Никонъ монахъ указъ слушалъ со смиреніемъ, безо всякихъ препрекословіяхъ». По выслушаніи указа онъ также спокойно и твердо давалъ отвѣты и объясненія на предложенные ему обвинительные пункты. Его отвѣты тутъ же записывались дьякомъ и извѣстны намъ изъ донесенія

¹ Тамъ же №№ 95, 96.

² Шуперинъ, 92.

архимандрита Павла¹. «Хотя въ письменной передачѣ, эти отвѣты, замѣчаетъ по поводу ихъ проф. П. Ф. Николаевскій, и должны были утратить вѣсколько изъ своихъ первобытныхъ чертъ, по они не утратили своей внутренней силы, поразительной простоты и убѣдительности, которыми отличались всѣ рѣчи, письма и сочиненія патріарха Никона. Въ этихъ отвѣтахъ мы видимъ того же великаго Никона, хотя и много испытавшаго въ жизни, изстрадавшагося въ заключеніи, но неутратившаго своей энергіи. Въ своихъ отвѣтахъ онъ побѣдоносно опровергъ всѣ злобно направленныя противъ него клеветы и обвиненія»².

На старое обвиненіе въ мятежныхъ замыслахъ и сношенніяхъ съ Разинымъ, обвиненіе, еще при покойномъ государѣ, такъ сказать, сданное въ архивъ и теперь вновь выдвинутое врагами, онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ заявленіемъ, что казаки приходили къ нему съ вѣдома пристава Наумова, а съ Разинымъ онъ никакихъ сношеній не имѣлъ. Вселенскихъ патріарховъ онъ не бравилъ и въ Царьградѣ денегъ и писемъ не посыпалъ. О леченіи своемъ онъ спаса подтвердилъ, что началъ лечить вслѣдствіе бывшаго ему видѣнія, что онъ помазывалъ болѣющихъ масломъ и читалъ надъ ними молитвы, и «отъ тово ево лекарства милость Божія и исцѣленіе многимъ людямъ бывало. А про то онъ не слыхалъ, чтобы отъ ево лекарства которые люди помирали». Дѣвка изъ вотчины Кириллова монастыря, о которой говориль извѣтчикъ Иваншко, умерла отъ своей болѣзни, а не отъ его лекарства: онъ ей никакихъ лекарствъ не давалъ, а только читалъ молитвы, такъ какъ она была одержима нечистымъ духомъ. Извѣтчикъ Иваншко и самъ обращался къ нему за помощью, «сказываль на себѣ болѣзнь, что приходятъ къ нему бѣси», онъ помазывалъ его масломъ, и Иваншко самъ же говорилъ, что послѣ помазанья болѣзнь миновалась³.

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 100.

² Николаевскій, 106.

³ Въ записяхъ лицъ, лечившихся у Никона дѣйствительно значится въ январѣ 1675 г. Ферапонтовскій служка Иванъ Кривозубовъ, который „бѣсонской шумъ слышаль и хотѣли задушить; молитвы говорены, сталъ здравъ“. И Игнатій Башковскій, такъ охуждавшій лечебное искусство Никона, самъ же обращался къ нему за помощію для своей малолѣтней дочери Маріи, которая потомъ выздоровѣла. См. Чт. Общ. Ист. 1887, I, 94, 95.

Ивашко извѣщалъ также на Никона, что крестьянинъ Фома умеръ отъ его побоевъ, а конюшенный старець Лаврентій былъ запоенъ имъ виномъ до смерти. Никонъ въ отвѣтъ на это сказалъ, что Фому онъ не бивалъ, умеръ онъ своей смертью: «остались послѣ него жена и дѣти, и они вѣдаютъ, какъ онъ умеръ». Старець Лаврентій «умеръ не отъ ево питья, а быль пьяница вѣдомой». Самъ извѣтчикъ Ивашко былъ бить за воровство по общему приговору игумена и священниковъ. Никонъ тутъ же подалъ архимандриту Павлу съскное дѣло про Ивашку, сказавъ: «все Ивашкино воровство въ этомъ дѣлѣ объявится».

Никонъ опровергъ также всѣ клеветы и сплетни, сочиненные его врагами по поводу его широкой благотворительности и лечения больныхъ. Въ числѣ больныхъ и бѣдныхъ, постоянно обращавшихся къ Никону за лекарствомъ и милостыней, было много женщинъ, и этого было достаточно врагамъ Никона, чтобы пустить нелѣпую чудовищную сплетню о нечистой жизни его, семидесятилѣтняго старца, съ раннихъ лѣтъ извѣстнаго своею строгою подвижническою жизнью. Враги совсѣмъ хотѣли втоштать въ грязь того самого Никона, который съ такой ревностью, казавшейся многимъ неумѣренной, стремился исправить грубые и распущенныя правы своихъ пасомыхъ. Въ отвѣтъ на низкую клевету, позорившую его честь и доброе имя, Никонъ заявилъ, что эти обвиненія прямая ложь, что женщины для лечения и для милостыни всегда приходили къ нему или съ мужьями или съ другими женщиными и дѣтьми, а наединѣ онъ никогда ихъ не принималъ; даже милостыню нищимъ женщинамъ онъ давалъ въ присутствіи стрѣльцовъ. Никакихъ пировъ и угощеній онъ у себя не устраивалъ, а кормилъ иногда бѣдный людъ въ праздники за работы ихъ. Въ гости изъ монастыря никуда не ѻздила, какъ его въ этомъ обвиняли, а князь Шайсуповъ, у котораго онъ разъ былъ, самъ же зазвалъ его къ себѣ, когда онъ шель рыбу ловить, и онъ къ нему не надолго зашелъ, а ничего у него не пилъ. «Угодниковъ Божіихъ онъ мужиками не называлъ, а который образъ онъ не принялъ и онъ говорилъ, для чего Ферапонта и Мартиніана пишутъ на иконахъ, а они де не свидѣтельствованы» ¹⁾.

¹⁾ До вѣкоторої степени Никонъ былъ правъ въ своемъ заявленіи, хотя ревность его къ чистотѣ православія въ данномъ случаѣ едва ли

Никону было поставлено въ вину и то, зачѣмъ у него такія большія кельи съ переходами, и ему пришлось въ свое оправданіе сослаться на указъ покойнаго государя о постройкѣ этихъ келій. Государя онъ ничѣмъ не злословилъ и поносимыхъ словъ никакихъ не говорилъ, а всякую присылку отъ него принималъ съ благодареніемъ. За великаго государя и за все-ленскихъ патріарховъ въ церкви и въ келейномъ правилъ онъ повсечастно Бога молить, а за Иоакима патріарха онъ Бога не молить. Открыто заявляя объ этомъ, Никонъ сослался даже на архіепископа вологодскаго Симона, который «писаль въ Кирилловъ монастырь и велѣль Бога молить за себя, а не за патріарха, потому что отъ него Иоакима всякое зло учинилось, и нынѣ ево губить».

На запросъ, почему онъ въ отпискахъ и челобитныхъ писался патріархомъ, Никонъ объяснилъ, что запрещенія ему отъ покойнаго государя въ томъ не бывало, сами царскіе послы называли его «великимъ святымъ отцомъ» и говорили (онъ не помнить точно, кто изъ нихъ), что государь не запрещаетъ его называть патріархомъ. Надписи на крестахъ и со- судахъ онъ приказывалъ дѣлать потому, что «было ему отъ пристава Наумова утѣсненіе великое».

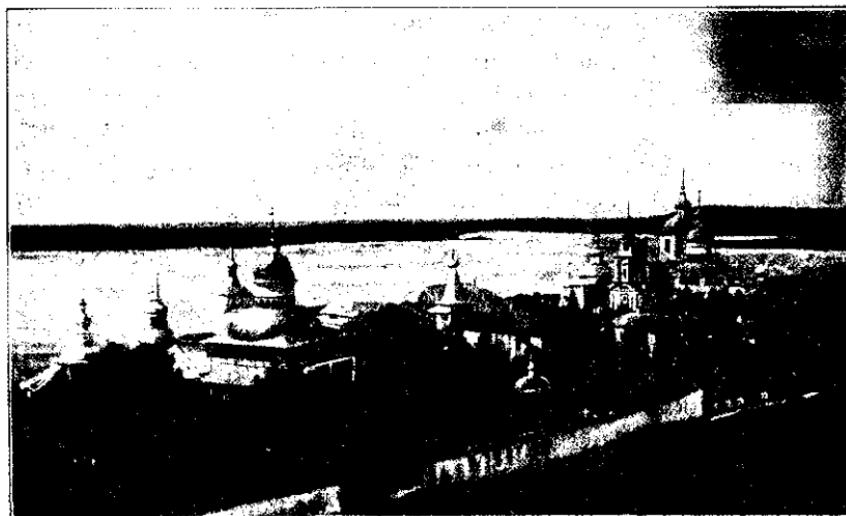
Но всѣ эти объясненія Никона, давныя имъ со свойствен- ной ему прямотой и твердостью, не могли измѣнить заранѣе назначенной ему участіи. Все равно ему пришлось выслушать уже стоявшій въ наказѣ строгій приговоръ: «и по тѣмъ твоимъ вымыщленнымъ и непристойнымъ и не во славу Московскому государству мятежнымъ дѣламъ въ Ферапонтовѣ жить тебѣ по своей волѣ неудобно. А указали великий государь и свя- тѣйший патріархъ и весь освященный соборъ жить тебѣ въ Кирилловѣ монастырѣ въ кельѣ по иноческому чину, и о тѣхъ своихъ злыхъ дѣлахъ прійти въ совершение покаяніе»¹.

можно назвать умѣстною. Правда житія и чудеса преп. Ферапонта и Мартиніана не были «свидѣтельствованы» на соборѣ 1547 года, таکъ какъ они не попали на этотъ соборъ, но они были разсмотрѣны митрополитомъ Макаріемъ на одномъ изъ послѣдующихъ соборовъ, где и было дано благословеніе праздновать этимъ двумъ бѣлозерскимъ угодамъ камъ. О недоумѣніяхъ относительно канонизаціи пр. Ферапонта и Мартина см. выше стр. 36—41.

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 94 стр. 357.

Въ заключеніе присланные суды увѣщевали Никона «всякими мѣрами» чтобы онъ покорился патріарху Іоакиму — «за него Бога молилъ и никакихъ непристойныхъ словъ не испущалъ». Но Никонъ оставался непреклоненъ. «За великаго государя и вселенскихъ патріарховъ я стану Бога молить, а за Іоакима Бога молить и патріархомъ его называть не стану», говориль онъ, выходя изъ соборной церкви.

Ему уже не позволили вернуться въ свои кельи, а прямо изъ церкви повезли въ Кирилловъ въ сопровождениі стражи¹.

Видъ на Кирилло-Бѣлозерскій монастырь съ „Вологодской башни“. (Слѣва „Ивановскій или Малый“ монастырь, справа „Большой“ монастырь: посрединѣ между ними больничная церковь св. Евѳимія, подлѣ которой находились кельи п. Никона).

Жившихъ у него монаховъ въ наказѣ также велѣно было взять въ Кирилловъ и вести туда порознь. Такимъ образомъ, безпощадная судьба въ концѣ-концовъ привела Никона въ тотъ самый монастырь, съ монахами котораго онъ еще такъ недавно вель ожесточенную борьбу. Недоброжелательство Кирилловскихъ монаховъ къ Никону хорошо было известно и въ Москвѣ, такъ что даже Іоакимъ счелъ нужнымъ упомянуть въ своемъ указѣ Кирилловскимъ властямъ, чтобы они

¹ Шушеринъ, 92.

«злобы своей къ Никону за его прежнія къ нимъ досады не мстили некоторыми дѣлы»¹.

Перемѣна обстановки сильно подѣствовала на престарѣлого патріарха. Увидѣвъ себя въ тѣсныхъ угарныхъ кельяхъ, окруженній чужими ему кирилловскими монахами и служками, Никонъ съ ужасомъ почувствовалъ себя какъ бы живо похороненнымъ въ крѣпкихъ стѣнахъ Кириллова монастыря — и упалъ духомъ. Въ глубокомъ уныніи онъ послалъ за своими судьями, которые собирались Ѳхать обратно въ Ферапонтовъ для исполненія дальнѣйшихъ статей наказа. Тѣ, пользуясь его настроениемъ, снова стали убѣждать его покориться Ioакиму и признать его патріархомъ. Сломленный въ неравной борьбѣ старый и больной патріархъ наконецъ уступилъ. «И монахъ Никонъ, доносиль потомъ архимандритъ Павелъ, по многимъ разговорамъ отъ злой своей мысли уклонился и говорилъ, чтобы де святѣйшій патріархъ къ нему былъ милостивъ, и не велѣль бы ево здѣсь напрасною смертью отъ тѣсноты уморить; а онъ де за него Бога молить и патріархомъ именовать учнетъ»². Чтобы смягчить гнѣвъ Ioакима, Никонъ напомнилъ теперь о томъ, что по оставленіи имъ патріаршества, онъ указывалъ государю на Ioакима какъ на своего преемника, говоря, что ему можно быть въ патріархахъ «за смиреніе».

Особенно тяжело было Никону разстаться съ двумя своими келейными старцами — іеромонахомъ Варлаамомъ и іеродьякономъ Мардариемъ, которыхъ, какъ онъ узналъ, вѣрно было сослать въ Крестный монастырь. Со слезами просилъ старый патріархъ, чтобы оставили при немъ этихъ двухъ преданныхъ ему лицъ, потому что «они къ нему пріобрѣтились, а онъ къ нимъ», но его просьба не была исполнена.

Оставивъ Никона въ Кирилловѣ, архимандритъ Павелъ съ другими слѣдователями побѣхали опять въ Ферапонтовъ монастырь. Въ наказѣ предписано было взять туда съ собою и келейныхъ старцевъ Никона. Кельи Никона подвергнуты были тщательному обыску, все имущество и утварь въ нихъ были переписаны. Наказъ предписывалъ «прелестные ево Никоновы лекарства всѣ, что ни есть, коренья и травы и водки и мази

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 95 стр. 363.

² Тамъ же № 100, стр. 375.

всенароднѣ сжечь на огнѣ, чтобъ отъ нево и ничего не осталось». Архимандритъ Павелъ доносилъ, что учинилъ съ ними по наказу. Съ крестами, на которыхъ была извѣстная надпись, велѣно было изъ опасенія соблазна поступить съ осторожностью. Архимандритъ съ властями Оерапонтова монастыря, съ священниками и діаконами должны были снять кресты со всѣхъ мѣсть, гдѣ они обыватся, честно внести въ монастырь и «съ искусствомъ» срѣзать надписи, положить кресты «въ сокровенное мѣсто, гдѣ никому бы было входно». Ихъ положили «подъ церковь въ непроходное мѣсто».

Келейныхъ старцевъ Никона, согласно наказу, допрашивали, съ великимъ пристрастіемъ, не спрятано ли у него какихъ-либо писемъ въ землѣ или въ другомъ тайномъ мѣстѣ, и не отсылалъ ли онъ кому-либо писемъ. Іеромонахъ Варлаамъ и старецъ Кузьма показали, что никакихъ писемъ Никонъ не отсылалъ и не спрятывалъ, что больные къ Никону прїезжали для лечения, по «никакихъ зазорныхъ лицъ для напивковъ, у него въ кельяхъ не бывало». Мардарій сказалъ, что онъ не разъ ъздилъ въ Москву по порученію Никона, возилъ туда отписки и челобитныя и подавалъ царскому духовнику и дьяку приказа тайныхъ дѣлъ Полянскому, а они передавали ихъ государю. При этомъ Никонъ посыпалъ съ нимъ духовнику подарки — «всякія посуды деревянные, братины и стаканы и ложки и рыбу», а Полянскому — одну рыбу. Но никакихъ писемъ изъ Москвы онъ Никону не привозилъ. Относительно лечения Никономъ больныхъ Мардарій заявилъ, что по приказу Никона онъ приводилъ къ нему въ крестовую келью прїезжавшихъ больныхъ, приносилъ туда кадило и свѣчи и много разъ видѣлъ, какъ Никонъ говорилъ надъ болѣющими молитвы по потребнику, а дурна никакова и безчинія онъ не видалъ»¹. Варлаамъ и Мардарій были затѣмъ отправлены въ Крестный монастырь, гдѣ приказано было держать ихъ подъ крѣпкимъ начalomъ; старецъ Кузьма за болѣзнь оставленъ былъ въ Оерапонтовѣ, гдѣ скоро и умеръ.

Согласно данному наказу слѣдователи составили подробную опись всего имущества, оставшагося послѣ Никона въ Оерапонтовѣ. Были переписаны хлѣбъ въ житницахъ, запасы въ погребахъ и сушилахъ, овощи въ огородахъ, лодки и сѣти,

¹ Тамъ же, № 100, стр. 377, 378.

рыба въ садкахъ, дрова и бревна, и пр. Все это было сдано подъ росписку игумену Аѳанасію съ братіей. Ему же сданы были подъ росписку облаченія и утварь Богоявленской церкви. Келейная утварь Никона: образа, книги, келейная казна, разнаго рода посуда, обувь, одежда, всевозможная рухлядь, разные запасы, большое количество разнаго рода пива, медовъ и винъ — все это до послѣдней мелочи было внесено въ опись, свезено въ Кирилловъ и сдано казначею подъ росписку¹. Туда же отправлены были лошади, коровы, куры и пр., купленные Никономъ на свой счетъ. Опустѣвшія кельи Никона были заперты и окна въ нихъ запечатаны. Ключи отъ келій, погребовъ, амбаровъ и житницъ были отданы игумену Аѳанасію. Ферапонтовъ монастырь, которому присутствіе знаменитаго заточника придавало особое оживленіе, снова замеръ и погрузился въ однообразную будничную тишину.

Ферапонтовские монахи сряду же послѣ переведенія Ни-

¹ Опись келейной утвари и имущества Никона, сданныхъ подъ росписку кирилловскому казначею старцу Павлу Кикину, напечатана въ „Дѣлѣ о п. Никонѣ“ и занимаетъ здѣсь 18 страницъ (386 — 404). Наряду съ вещами цѣнными сюда въ беспорядкѣ внесена всякая мелочь и рухлядь, напр. „косарь, чѣмъ лучину шеплютъ“ или „кузовъ съ лоскутишкомъ ветхимъ“. Изъ этой подробной описи можно видѣть, что Никонъ подъ конецъ своего пребыванія въ Ферапонтовѣ былъ обставленъ даже съ роскошью. Такъ, у него была соболья шуба, „крытая камкою чешуйчатой“, и соболій треухъ, роскошныя перчатки („рукавицы персѣтаты съ кистями серебряными, пизаны по мѣстамъ жемчугомъ, подложены атласомъ лазоревымъ“), нѣсколько бархатныхъ рясъ и тафтиныхъ (шелковыхъ) кафтановъ, много разныхъ дорогихъ матерій и мѣховъ — все это, вѣроятно, подарки отъ царской семьи. Денегъ въ наличности оказалось 1,000 рублей: „въ кованой скрынѣ въ десяти мѣшкахъ по сту рублей“ . Запасы медовъ, винъ, сластей и разныхъ припасовъ были сдѣланы въ большомъ количествѣ. Напр. „шесть кадей меду въ нихъ по сѣмъ пудъ сорокъ, 7 ведерь ренского, ведро романея, бочка меду малиноваго, 20 ведерь меду бѣлово, 15 ведерь вина церковнаго, нѣсколько бочекъ пива разныхъ сортовъ, бочки морошки, смородины, яблоковъ, вишень и арбузовъ въ патокѣ и мн. др. Въ числѣ утвари упоминаются серебрянныя вещи: солонки, кунгантъ, рукомойчикъ и пр., а также слѣдующіе заслуживающіе вниманія предметы: нѣсколько очковъ, зеркало, часы столовые, трубка смотрительная, шляпа фѣмецкая подложенна крашенной, пищаль, бердыши, пара пошорченныхъ пистолей, два рога и кувшинъ склянишной съ порохомъ. Любопытно, что обвиненіе въ стрѣльбѣ изъ пищали было оставлено Никономъ безъ возраженія.

кона изъ ихъ монастыря въ Кирилловъ стали думать о томъ, нельзя ли воспользоваться для нуждъ монастыря имуществомъ патріарха, которое только что было осмотрѣно и переписано архимандритомъ Павломъ съ его помощниками. Они послали къ патріарху Іоакиму членобитную, въ которой указывали на многіе расходы и тягости, понесенные монастыремъ за все время пребыванія въ немъ Никона, жаловались даже на то, будто Никонъ не додалъ имъ 631 рубль 7 алтынъ изъ подрядной суммы на постройку келій, обѣщаясь на тѣ деньги купить въ монастырь колоколъ, а также бѣлаго желѣза и олова на починку церковныхъ главъ — покупокъ не купилъ и денегъ не отдалъ¹. Въ восполненіе всѣхъ этихъ расходовъ монахи просили выдать изъ денегъ Никона 631 рубль 7 алтынъ, а также обратить въ ихъ пользу хлѣбъ Никона какъ посвященный въ поляхъ, такъ и запечатанный въ житницахъ²).

Въ августѣ для исправленія разстроеннаго хозяйства монастыря по указу патріарха и вологодского архіепископа былъ посланъ въ монастырь кирилловскій строитель Исаія, кото-

¹ Слѣдуетъ однако замѣтить, что ѿрапонтовскіе монахи въ своихъ жалобахъ на убытки монастыря отъ пребыванія въ немъ Никона, повидимому, были не совсѣмъ справедливы. Такъ они, между прочимъ, повторили въ своей росписи счетъ прежняго игумена Аѳанасія (Николаевскій, 120 пр.), въ свое время документально опровергнутый Никономъ. Очевидно, что они не боялись теперь новыхъ обличеній со стороны заключенного въ Кирилловъ Никона. Заявленіе ихъ о недодачѣ Никономъ денегъ изъ подрядной платы за постройку келій также возбуждаетъ сомнѣніе относительно ихъ количества. Монахи говорили, что они платили плотникамъ деньги изъ монастырской казны и съ крестьянъ. Но откуда они могли набрать такую большую по тому времени сумму денегъ (631 р. 7 алт.), когда известно, что „крестьянишки ихъ обищали до конца“, а монастырская казна часто была совсѣмъ пуста и самъ казначей занималъ деньги у того же Никона (см. выше стр. 95)? Съ другой стороны изъ описи имущества Никона видно, что у него въ кладовой было около 19 пудовъ олова и 175 листовъ желѣза, которыхъ для собственныхъ нуждъ ему покупать было не зачѣмъ, а о присылѣ колокола въ монастырь онъ просилъ государя въ членобитной (см. Николаевскій, 82) и слѣдовательно, намѣревался выполнить свои обязательства предъ монастыремъ. Притязаніе ѿрапонтовскихъ монаховъ на денежную казну Никона, повидимому, не было уважено и въ послѣдующихъ членобитныхъ они его уже не повторяютъ.

рый въ донесеніи патріарху описывалъ плачевное состояніе монастыря и тоже хлопоталъ обь отдачѣ монастырю 480 четвертей хлѣба, оставшагося послѣ Никона¹. Но Іоакимъ былъ не особенно податливъ на эти просьбы монаховъ. Онъ разрѣшилъ имъ воспользоваться только тѣмъ хлѣбомъ Никона, который посѣянъ въ полѣ, и овощами въ его огородахъ. При томъ часть этихъ овощей, а также рыбу изъ его садковъ онъ велѣлъ отсылать въ Кирилловъ на нужды Никона. О хлѣбѣ, запечатанномъ въ амбарахъ, онъ обѣщалъ дать указъ потомъ².

Въ октябрѣ игуменъ съ братіей прислали патріарху отписку и новую челобитную. Въ нихъ они доносили, что рыба въ садкахъ Никона «вся поснула», что часть овощей изъ его огородовъ они послали ему въ Кирилловъ, а посѣянный имъ хлѣбъ сжали и измолотили, получивъ въ умоловѣ 7 четв. съ осьминой ржи и 8 чт. пшеницы. Жалуясь на скудость монастыря, они обращались къ Іоакиму съ новой просьбой. «Призри, го- сударь, на домъ Пр. Богородицы на пустое и раззоренное мѣсто! Вели, государь, церковную утварь, что описана въ церкви святыхъ Богоявленій, послѣ Никона монаха отдать намъ, богомольцамъ твоимъ, въ Ферапонтовъ монастырь». Кромѣ того они снова просили отдать имъ хлѣбные запасы Никона и дозволить разобрать кельи Никона на монастыр- ское строеніе на братскія кельи³. Мы такъ и не знаемъ, имѣли-ли, наконецъ, успѣхъ просьбы ферапонтовскихъ монаховъ о хлѣбѣ Никона и его кельяхъ, но утварю Богоявлен- ской церкви имъ не удалось воспользоваться: въ 1683 году уже по смерти Никона, она была перевезена въ Воскресен- скій монастырь по указу царей Іоанна и Петра Алексѣ- вичей⁴.

Въ то время какъ ферапонтовскіе монахи хлопотали обь имуществѣ Никона, самъ владѣлецъ его жилъ въ Кирилловѣ въ строгомъ заключеніи. Кирилловъ монастырь издавна слу- живъ мѣстомъ ссылки для провинившихся предъ правитель- ствомъ лицъ. Успешно выдержавъ осаду со стороны литов- скихъ шаекъ, Кирилловъ монастырь получилъ въ глазахъ московского правительства значеніе важнаго стратегического

¹ Тамъ же, № 110.

² Тамъ же, № 111.

³ Тамъ же, № 112, 113.

⁴ Чт. О. Ист. 166.

пункта на съверъ Руси. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича правительство рѣшило обнести Кирилловъ новой большою каменной стѣной по образцу Сергіева монастыря ¹. Въ 1661 г. царь пожаловалъ изъ казны 45,000 рублей на тогдашнія деньги на производство работъ ², а въ 1667 году прислалъ указъ спѣшить городовымъ дѣломъ ³. Такимъ образомъ ко времени перевода Никона въ Кирилловъ монастырь постройка его стѣнъ была уже закончена, и Кириллова обитель стояла въ полномъ величіи своихъ грозныхъ твердынь, на которыхъ и теперь не безъ удивленія смотритъ заѣзжій путникъ. Колossalная стѣна тянется вокругъ монастыря на разстояніи 1¹/₂, верстъ и имѣеть три этажа. Въ нижнемъ этажѣ множество келій, предназначавшихся, вѣроятно, для ратниковъ, второй и третій ярусы представляютъ изъ себя длинныя галлерей съ бойницами для пушекъ и пищалей. Галлерей эти такъ широки, что по нимъ свободно можно было бы прокатиться на тройкѣ лошадей. Помѣщаемый здѣсь (см. стр. 209) видъ одной изъ такихъ галлерей съ перспективою уходящихъ вдалъ сводовъ и арокъ можетъ дать читателю нѣкоторое представление о величинѣ Кирилловскихъ твердынь. Новой крѣпости, стоившей большихъ издержекъ и монастырю и правительству, не пришлось однако испытать вражеской осады. Она служила для правительства другую службу, являясь вполнѣ безопаснымъ и надежнымъ мѣстомъ для пребыванія ссылаемыхъ имъ лицъ. Между прочимъ дѣло патріарха Никона дало Кирилловскимъ тюрьмамъ нѣсколько ссыльныхъ лицъ. Такъ въ 1663 году былъ сосланъ сюда изъ Москвы попъ церкви Введенія, что въ Барашахъ, Иванъ Фокинъ и сидѣль «въ цѣпи и желѣзахъ» за то, что по удаленіи Никона изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь продолжалъ поминать его московскимъ патріархомъ ⁴. Въ то время, когда Никонъ жилъ въ Ферапонтовѣ, приставъ Наумовъ часто отсыпалъ въ Кирилловъ разныхъ оговоренныхъ по розыску лицъ на сбереженіе (іеродьякона Ферапонта, служку Михайлова и др.) ⁵. Пришлось наконецъ

¹ Древности. Труды Моск. Арх. Общества. VIII, 1880 стр. 153.

² См. проф. Н. К. Никольский. Кириллобѣлозерскій монастырь. I, 236 пр.

³ „Новг. Еп. Вѣд.“ 1898, стр. 244.

⁴ Чт. О. Ист. 149 прим.

⁵ Тамъ же, 184, 135.

и самому Никону, бывшему «собинному» другу царя и великому государю, увеличить собою длинный рядъ кирилловскихъ заточниковъ, въ разное время томившихся въ крѣпкихъ стѣнахъ обители.

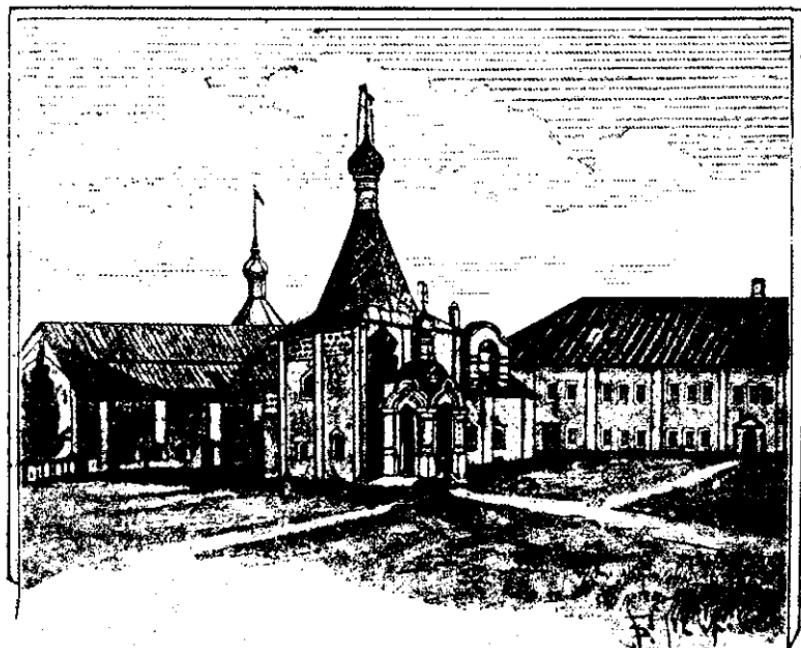
Въ Кирилловѣ Никона помѣстили въ тѣхъ кельяхъ, гдѣ живалъ прежде строитель старецъ Матвѣй. Эти кельи находились въ «Большомъ монастырѣ» на западной его сторонѣ въ 2-хъ саженяхъ отъ городовой стѣны, которая проходитъ здѣсь по самому берегу Сиверского озера. Въ сосѣствѣ съ ними на разстояніи 4 сажень находились каменные больничные кельи¹, обращенные потомъ въ кладовую и существующія доселѣ. Такимъ образомъ, Никоновы кельи были на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ старинный двухъ-этажный каменный корпусъ, нынѣ почти пустой, а прежде служившій помѣщеніемъ для духовнаго училища². Рядомъ стоитъ больничная церковь св. Евфимія, построенная въ 1653 году; полагаютъ, что въ эту именно церковь, какъ самую ближайшую, ходилъ молиться патріархъ Никонъ. Кельи его были деревянныя двухъ-этажныя. Нижній этажъ состоялъ изъ двухъ помѣщеній, соединявшихся теплыми сѣнями, за теплыми сѣнями находились холодныя сѣни съ чуланами. Въ этихъ сѣняхъ было восемь большихъ оконъ. Въ верхнемъ этажѣ были двѣ теплыхъ вышки, холодныя сѣни съ 6 окнами и три чулана. Шушеринъ называетъ эти кельи «вельми неуожими». Печи въ нихъ были кирпичныя и плохого устройства; при первой же топкѣ онѣ издали такой страшный угаръ, что новый жилецъ ихъ, и безъ того послѣ известнаго ушиба страдавшій головною болью, почувствовалъ себя совсѣмъ плохо и чуть не умеръ. Поварни особой не было, кушанья готовили тутъ же въ кельѣ, чтѣ еще болѣе увеличивало въ ней жаръ и духоту. Архимандритъ Павель по возвращеніи

¹ См. А. Н. Муравьевъ. Русская Фиваида на Сѣверѣ. СПБ. 1855, стр. 209, 210 и арх. Іаковъ, Труды М. Арх. Общества. VIII, 1880, стр. 143, 144.

² А. Н. Муравьевъ, а за нимъ и покойный Кирилловскій архимандритъ Іаковъ, принимали за несомнѣнное, что этотъ каменный корпусъ есть именно то зданіе, въ которомъ жилъ п. Никонъ. Но имъ тогда не было известно, что Матвѣевскія кельи были деревянныя. См. ихъ описание въ дѣлѣ о п. Никонѣ № 107.

въ Москву счель нужнымъ доложить патріарху Іоакиму объ этомъ неудобствѣ келій Никона, вредномъ для здоровья за-точника. Шушеринъ говоритьъ, что патріархъ Іоакимъ «по-ложи сія глаголы въ забвеніі».

Въ іюлѣ Іоакимъ послалъ въ Кирилловъ своего ризничаго дьякона Іакинеа. Іакинеъ пріѣжалъ и Ферапонтовъ, вѣ-роятно, для осмотра Никонова имущества¹, но главною цѣлью его прибытія было отображеніе у Никона панагії и двухъ се-ребрянныхъ патріаршихъ печатей. Никонъ въ Ферапонтовѣ

Больничная церковь св. Евфимія и старый каменный корпусъ на
мѣстѣ котораго стояли кельи п. Никона.

носившій панагію, а, быть можетъ, пользовавшійся и печа-тами, теперь безпрекословно возвратилъ эти послѣдніе знаки патріаршаго достоинства². Но за то Іакинеъ привезъ въ Кирилловъ указъ Іоакима о томъ, чтобы «въ кельяхъ монаха Никона вмѣсто кирпичныхъ печей сдѣлать образчатыя ценин-ныя, чтобы угару отнюдь не было», а позади келій выстроить

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 113 стр. 419.

² Шушеринъ, 98.

особую каменнную поварню, высмотря мѣсто для нея съ нимъ, Никономъ, а если будетъ тутъ какое-либо непужное строеніе, то его отставить. При этомъ патріархъ требовалъ, чтобы прислали къ нему чертежъ келій Никона — всему старому и новому строенію¹.

Вслѣдствіе этого указа Кирилловскія власти произвели ремонтъ въ кельяхъ Никона: поставили печь обращатую ценинную, поновили стѣны и сдѣлали вновь подволоку и окна красные, двери и переходы въ вышку, «какъ ему угодно». Но строить особую поварню позади келій они не нашли удобнымъ и въ отпискѣ своей объясняли патріарху, что промежутокъ между кельями Никона и монастырской стѣной — занять монастырскими дровами, а если поставить поварню между кельями и больницей, то придется у больницы свѣть заставить и съ дровами проѣзду за кельи не будетъ. Вмѣсто устройства новой поварни они предлагали устроить поварню въ братской кельѣ, находившейся въ одномъ ряду съ Никоновыми, и просили на то указа². Такимъ образомъ, до поры до времени Никону приходилось волей неволей мириться съ важнымъ неудобствомъ его келій.

Согласно наказу Іоакима съ Никономъ въ его кельяхъ поселены были два старца добрыхъ и искусныхъ, «кому мочно вѣрить». Кромѣ этихъ двухъ старцевъ, Авраамія и Иринарха, въ кельяхъ Никона жили трое служекъ, поваръ и приспѣшникъ³. Столъ для него велѣно было готовить лучшій, чѣмъ для братіи, не только въ разрѣшенные, но и въ постные дни, также велѣно было давать ему «пиво и медъ добрые по его потребѣ⁴. Но изъ приходорасходныхъ книгъ монастыря, сохранившихся за это время, видно, что денежныхъ затратъ со стороны монастыря на содержаніе Никона почти не было, и по отпускамъ на него запасамъ можно заключать, что ежедневный обиходъ его былъ весьма скроменъ и на него шло тоже, что употреблялось на содержаніе братіи⁵.

¹ См. этотъ указъ у архим. Аполлоса „Начертаніе житія Никона“ изд. 4 М. 1845. стр. 154.

² См. ихъ отписку у Муравьевъ и арх. Іакова (Труды М. Арх. Общ. VIII).

³ См. ихъ роспись въ „Дѣлѣ о п. Никонѣ“ № 108.

⁴ Тамъ же, № 94, стр. 358.

⁵ Сообщеніе И. П. Успенскаго.

Впрочемъ запасы, привезенные изъ Оерапонтова, или на его обиходъ и въ первое время могли значительно сократить расходы Кириллова монастыря на содержаніе Никона.

Нель многочисленныхъ вещей и утвари, которыми Никонъ обставилъ себя подъ конецъ оерапонтовскаго заточенія, ему дали теперь очень немногое¹. Его личная свобода также была значительно стѣснена. Поселенные съ нимъ старцы должны были имѣть надъ нимъ строгій надзоръ, не пускать къ нему въ келью никого, ни монаховъ, ни мірянъ, наблюдать, чтобы онъ никому не писалъ писемъ и для того не давать ему ни чернилъ, ни бумаги. Ему запрещено было получать отъ кого-либо посылки и приношенія и даже выходить за монастырскую ограду. О суворости заключенія Никона въ Кирилловъ Шушеринъ вообще замѣчаетъ, что Никонъ терпѣлъ здѣсь «всякія нужды и озлобленія» не менѣе, чѣмъ въ Оерапонтовъ монастырѣ, «въ кельи бо пребысть, неисходио кромѣ церковныя службы»². Въ церковь ему позволено было ходить (вѣроятно, въ ближайшую Евфимьевскую), но и тутъ вѣлько было слѣдить за нимъ, чтобы онъ «стояль съ молчаніемъ и чтобы мятежу церковнаго отъ него не было»³. Такъ опаснымъ казался своимъ врагамъ Никонъ — теперь уже больной разбитый жизнью старецъ.

Уныло и однообразно текла жизнь Никона въ кирилловскомъ заточенії. Отрѣшенный отъ міра, лишенный возможности сноситься съ преданными ему людьми, старый патріархъ долженъ былъ переносить свои страданія «уединенно, молчаливо, при полномъ безучастіи окружавшихъ его лицъ и въ полной безвѣстности для общества»⁴. Мало сохранилось свѣдѣній о жизни его въ это злополучное время. Тѣмъ любопытнѣе для насъ тѣ немногія свѣдѣнія о жизни знаменитаго заточника, которыхъ случайно попали на страницы монастырскихъ приходорасходныхъ книгъ. Изъ книгъ этихъ видно напр., что кирилловскій заточникъ поз-

¹ „Отъ вещей же келейныхъ не даша ему и нужныхъ потребъ“ сообщаетъ Шушеринъ стр. 93. Списокъ выданныхъ Никону вещей см. въ „Дѣлѣ о п. Никонѣ“ № 106. Изъ книгъ выданы были только двѣ псалтири съ возслѣдованіемъ, да Библія литовской печати, изъ одежды — двѣ суконныхъ рясы и три кафтаны и т. д.

² Шушеринъ, 93.

³ „Дѣло о п. Никонѣ“ № 94, стр. 358.

⁴ П. Ф. Николаевскій, стр. 128.

воляль себѣ невиннаго развлеченія, вносишпія пѣкоторое разнообразіе въ его монотонную затворническую жизнь. Онъ держалъ ручныхъ птицъ лебедей и голубей и, повидимому, самъ занимался ихъ кормленіемъ. Начальство монастыря ничего не имѣло противъ этой невинной забавы своего заточника, который еще будучи патріархомъ держалъ у себя пѣвчихъ птицъ и попугаевъ, и приказывало выдавать изъ монастырской житницы потребное количество овса и пшеницы на кормъ пернатыхъ друзей опального патріарха¹.

Шелъ годъ за годомъ. Патріархъ Никонъ продолжалъ сидѣть въ своемъ заключеніи, безъ надежды на освобожденіе, ни откуда не получая себѣ ни утѣшенія, ни тѣмъ болѣе помощи. Царь Федоръ Алексѣевичъ былъ молодъ и находился подъ вліяніемъ враждебной Никону партіи, сторонники же Никона стояли вдали отъ царя. Но вотъ произошла новая перемѣна въ придворномъ кругу, вліяніе Милославскихъ и Хитрово ослабѣло, и для Никона блеснуль лучъ надежды. Теткѣ царя царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ, которая съ дѣтства была почитательницей великой личности Никона, удалось теперь пріобрѣсти вліяніе на своего царственнаго племянника. Она своими рассказами о Никонѣ и о его заслугахъ церкви, государству и царскому семейству и о теперешней горькой его участіи заинтересовала молодого царя. По ея внушенію царь въ сентябрѣ 1678 года предпринялъ со всей семьею поѣздку на богомолье въ Никоновъ Воскресенскій монастырь. Здѣсь все напоминало о Никонѣ: и начатыя имъ величественные постройки, и сонмъ преданныхъ ему монаховъ. Враги Никона старались отклонять молодого царя отъ поѣздокъ въ Воскресенскій монастырь, но не имѣли успѣха. Онъ ъездилъ туда нѣсколько разъ, даль монастырю жалованную грамоту, издалъ указъ объ окончаніи начатой Никономъ постройки и сдѣлалъ монастырь своимъ царскимъ богомоліемъ². Подъ вліяніемъ этихъ посѣщеній, рѣчей Татьяны Михайловны, воскресенскихъ монаховъ, и вѣроятно, также своего учителя Си-

¹ Сообщеніе Н. П. Успенского на основаніи жатенныхъ книгъ Кириллова монастыря. Вотъ для примѣра записи изъ этихъ книгъ: 1680 г.: ноября въ 24 день по приказу государя отца архимандрита Никиты выдано голубей кормить Никона монаха овса четь съ осмынио; 1681 г.: марта въ 25 день выдано лебедямъ овса три четверика и т. п.

² Николаевскій, 124, 125.

меона Полоцкаго, въ душѣ молодого царя возникалъ величавый образъ знаменитаго патріарха, который теперь забыть всѣми и томится въ заточеніи. И вотъ молодой царь хочетъ оказать вниманіе къ злополучной долѣ Никона. Предъ Пасхою 12 марта 1679 изъ Москвы посланъ былъ «къ монаху Никону для государева дѣла» стольникъ Мартюхинъ, вѣроятно, съ денежной милостыней¹. Въ январѣ 1680 года кирилловскій архимандритъ, будучи въ Москвѣ, получилъ отъ государя 200 рублей милостыни: изъ нихъ 100 рублей государь поручилъ передать Никону. Въ концѣ августа царь послалъ къ Никону стольника Федора Абрамовича Лопухина со своей государевой милостыней². Понятно, что милостивое вниманіе царя должно было утѣшить томившагося въ заключеніи патріарха и снова внушить уваженіе къ нему въ глазахъ кирилловскихъ монаховъ. Благодаря не разъ присылавшейся царемъ милостынѣ, кирилловскій заточникъ имѣеть деньги въ избыткѣ, и монастырское начальство само обращается къ нему съ просьбой дать денегъ въ долгъ, какъ напр. въ 1680 году, когда оно заняло у Никона 149 р. 12 алт. 2 д. на уплату государственного сбора на жалованье ратнымъ людямъ во время турецкой войны³. Въ 1680 году царь освободилъ изъ ссылки келейныхъ старцевъ Никона, Варлаама и Мардарія, и позволилъ имъ вернуться въ Воскресенскій монастырь.

Однажды, посѣтивъ Воскресенскій монастырь по случаю смерти его настоятеля, царь самъ внушилъ братіи мысль, хлопотать о возвращеніи къ нимъ Никона изъ ссылки. Обрадованные царскимъ словомъ монахи не заставили себя ждать. Тотчасъ же была написана витіеватая челобитная, въ которой, указывая на примѣръ израильтянъ, перенесшихъ кости Іосифа изъ Египта въ обѣтованную землю, Іоанна Златоуста и Игнатія патріарха константинопольскаго, нѣкогда возвращенныхъ изъ своего заточенія, монахи умоляли царя возвратить пастыря стаду, главу — тѣлу христоподражательного наставника святѣйшаго Никона, извести изъ темницы душу его, освободить его изъ заточенія, дать ему покой и отраду въ его старости⁴.

¹ Чт. О. Ист. 183, 166.

² Сообщеніе Н. И. Успенскаго (изъ приходорасходныхъ книгъ Кириллова монастыря).

³ Чт. О. Ист. 130 прим.

⁴ См. это прошеніе у Шушерина, 96, 97, и архим. Аполлоса 155—158.

Къ прошеню подпісалось около 60 монаховъ, и оно тутъ же было подано царю.

Но желаніе царя вернуть Никона изъ ссылки встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны патріарха Іоакима, который рѣшительно заявилъ царю, что безъ согласія вселенскихъ патріарховъ сдѣлать этого никакъ нельзя. Царь нѣсколько разъ просилъ объ этомъ Іоакима, но получалъ рѣшительный отказъ. Тогда царь собралъ соборъ архіереевъ, на которомъ присутствовалъ и самъ съ боярами, заявилъ о своемъ желаніи возвратить Никона изъ ссылки и представилъ собору членитную воскресенскихъ монаховъ. Многіе архіереи соглашались съ царемъ и говорили, что Никона нужно освободить изъ заточенія, но патріархъ Іоакимъ былъ противъ этого, и соборъ кончился ничѣмъ. Спустя нѣсколько времени царь призвалъ патріарха къ себѣ во дворецъ и вмѣстѣ съ Татьяной Михайловной усиленно убѣждалъ его согласиться на освобожденіе Никона. Іоакимъ по прежнему оставался непреклоннымъ, ссылаясь на постановленіе вселенскихъ патріарховъ. Въ своихъ отказахъ согласиться на просьбу царя Іоакимъ стоялъ, конечно, на законной почвѣ, но въ его нежеланіи облегчить участіе Никона нельзя не видѣть личнаго нерасположенія къ послѣднему. Не безъ основанія можно думать, что онъ все еще боялся встрѣтить въ освобожденномъ Никонѣ опаснаго соперника, который легко подчинить своему вліянію молодого царя. У Іоакима и то уже былъ сильный противникъ при дворѣ въ лицѣ бывшаго учителя царя монаха Симеона Полоцкаго, съ которымъ онъ при всемъ желаніи не могъ справиться и который былъ сторонникомъ Никона. Татищевъ сообщаетъ неизвѣстно откуда имъ взятое извѣстіе о томъ, что Симеонъ Полоцкій, «который съ Іоакимомъ великую вражду имѣлъ», убѣдилъ Федора Алексѣевича учинить въ Россіи папу и четырехъ патріарховъ, причемъ папою сдѣлать Никона, а Іоакима оставить патріархомъ новгородскимъ. Но Іоакимъ всѣми силами возсталъ противъ этого плана, склонилъ на свою сторону приближенныхъ бояръ и велѣлъ Андрею Лызлову сочинить представление «со многими обстоятельствами, показующими немалый вредъ отъ сего плана для государства», — хотя замѣчаетъ Татищевъ, безъ сомнѣнія не воспротивился бы сему, если бы самъ былъ назначенъ папою¹.

¹ Татищевъ. Рос. Ист. ч. I, стр. 573. См. свящ. Смирновъ. Іоакимъ

Какъ бы то ни было, но Федоръ Алексѣевичъ, не смотря на противодѣйствіе Іоакима, надѣялся непремѣнно увидѣть Никона освобожденнымъ изъ ссылки. Чтобы утѣшить и ободрить старца, томившагося въ заключеніи, царь написалъ ему въ Кирилловъ собственноручное письмо. Это была большая честь для Никона, который въ своемъ заключеніи еще ни разу не получалъ царскихъ писемъ: какъ известно, царь Алексѣй Михайловичъ не писалъ ему въ Ферапонтовъ, а всегда отвѣчалъ ему чрезъ пословъ. Въ своемъ письмѣ Федоръ Алексѣевичъ называетъ Никона патріархомъ, вопреки соборному опредѣленію, просить у него благословенія и прямо обѣщаетъ ему скорое освобожденіе изъ ссылки. Вотъ это замѣчательное письмо: «О Святомъ Дусѣ отцу нашему Никону патріарху грѣшный царь Феодоръ и съ супругою своею поклонъ сotrosаемъ, и чести твоей возвѣщаю, аще Богъ повелитъ сему писанію вручитися тебѣ, и ваша честность да вѣсть, что, надѣяся на Бога, преведеніе твое не умѣдлить быти, и имаши обитати самъ въ Новомъ Іерусалимѣ, и имать совершенство свое воспріяти. И посемъ я грѣшный царь Феодоръ и съ женою своею благословенія вашего при свиданіи вашемъ съ нами и чрезъ писаніе желаемъ. Аминь»¹. Внимательность государя къ опальному патріарху станетъ еще яснѣе, если добавить, что это милостивое письмо было отправлено къ Никону съ его келейнымъ дьякономъ Мардариемъ, который послѣ долгой разлуки снова могъ служить своему патріарху. Велика была радость старого патріарха, когда онъ прочиталъ царское письмо и узналъ, что скоро согласно царскому слову должна исполниться его завѣтная мечта о возвращеніи въ любимый монастырь.

Царь, не смотря на свою болѣзnenность, съ настойчивостью продолжалъ дѣйствовать въ пользу Никона. Такъ какъ Іоакимъ ссылался на восточныхъ патріарховъ, то царь рѣшилъ обратиться къ нимъ отъ своего имени. Въ концѣ іюня собирались въ Турцию послы Илья Чириковъ и Прокофій Возни-

п. московский. М. 1881, стр. 62. Это извѣстіе Татищевъ повторяетъ и въ другомъ сочиненіи: „Разговоръ двухъ приателей о пользѣ науки и учительщѣ“, но здѣсь оно говоритъ, что исполненію плана помѣшала смерть Никона. Чт. О. Ист. 1887, I, стр. 59.

¹ См. это письмо у П. О. Николаевскаго. 128.

цинь. Царь воспользовался этимъ случаемъ и отправилъ съ ними особая грамоты къ восточнымъ патріархамъ по дѣлу о Никонѣ. Въ нихъ онъ указывалъ на то, что Никонъ осужденъ не за нарушеніе догматовъ и правилъ благочестія, а за другія извѣстныя прощенія достойнага вины; хотя онъ какъ че-ловѣкъ по малодушію поддался гнѣву и унынію, оставилъ патріаршество и тѣмъ произвелъ смуту въ церкви и госу-дарствѣ, но онъ искупилъ свои вины своими страданіями въ заточеніи и теперь, находясь въ глубокой старости, только о томъ и помышляетъ, какъ бы вернуться въ свой Воскресен-скій монастырь, чтобы тамъ умереть спокойно. Въ виду близ-кой кончины Никона государь просилъ патріарховъ дать ему прощеніе и разрѣшеніе и возстановить его въ патріаршескомъ санѣ за его великое смиреніе, страданія въ заключеніи и за его покаяніе¹. Эти грамоты къ патріархамъ были подписаны 26 іюня 1681 года.

Между тѣмъ Никонъ слабѣлъ и таялъ съ каждымъ днемъ. Онъ уже сталъ готовиться къ смерти, особоровался и принялъ великую схиму. Схимники обыкновенно мѣняютъ свое иноческое имя на другое или снова получаютъ прежнее мірское имя. Замѣчательно, что Никонъ не пожелалъ перемѣнить своего имени, которое, благодаря ему, стало историческимъ. Видя безнадежное состояніе Никона, архимандритъ Никита доносилъ патріарху Іоакиму, что Никонъ близокъ къ смерти, и спрашивалъ, гдѣ и какъ его похоронить. Іоакимъ послѣ-шилъ распорядиться, чтобы Никона отпѣвали какъ простого монаха и похоронили въ церковной наперти. Царь уже послѣ узналъ о такомъ распоряженіи патріарха, требовалъ вернуть грамоту назадъ, но было уже поздно.

Дни Никона были сочтены. Чувствуя себя на краю мо-гили, онъ ждалъ обѣцданной царемъ свободы только для того, чтобы умереть и быть похороненнымъ въ своемъ Воскре-сенскомъ монастырѣ. И вотъ боясь не дожить до желаннаго дня, онъ въ послѣднихъ числахъ іюля написалъ къ братіи Воскресенского монастыря краткое трогательное письмо, ко-торое было послѣднимъ въ его жизни. «Благословеніе Никона Патріарха, писалъ Никонъ, и на смертномъ одрѣ продолжав-шій называть себя патріархомъ, архимандриту Герману, іеро-

¹ Тамъ-же: 127, 128.

монаху Варлааму... и всей братіи. Вѣдомо вамъ буди, яко боленъ есмь болѣзнию великою вставать не могу, на дворъ выйти не могу жь, лежу въ гноищи...; а милость Великаго Государя была, что хотѣлъ меня взять по вашему челобитью, и писавъ жаловалъ своею рукою, а нынѣ то время совершилось, а его милостиваго указу нѣсть; — умереть мнѣ будетъ внезапу; пожалуйте, чада моя, не попомните моей грубости, побейте челомъ о мнѣ еще Великому Государю, не дайте мнѣ напрасною смертю погибнуть, уже бо моего житія конецъ приходитъ, а каковъ я, и то вамъ про меня подробно скажетъ Иванъ, который отъ васъ живеть на приказѣ въ (селѣ) Богословскомъ»¹.

Архимандритъ съ братіей, получивъ это письмо умирающаго патріарха, тотчасъ показали его царю и со слезами умоляли возвратить Никона изъ ссылки, пока онъ не умеръ. Государь снова обратился къ патріарху Іоакиму и архіереямъ съ просьбой освободить Никона въ виду его близкой смерти. Всѣ согласились, и самъ Іоакимъ не сталъ теперь перечить царю. Царь немедленно отправилъ въ Кирилловъ дьяка ко-нююшеннаго приказу Ивана Чепелева съ наказомъ взять оттуда Никона и живаго или мертваго перевезти въ Воскресенскій монастырь. Чепелевъ поспѣшилъ отправится въ путь. Въ Кирилловъ еще никто не зналъ о такъ быстро состоявшемся решеніи московскаго правительства освободить Никона. Но самъ Никонъ въ своей чуткой душѣ, готовившейся отрѣшиваться отъ земныхъ узъ, какъ бы прозрѣлъ свое близкое освобожденіе. Еще за день и больше до прїѣзда царскаго дьяка въ Кирилловъ Никонъ, несмотря на сильную болѣзнь и изнеможеніе, нѣсколько разъ начинай собираться въ путь. Въ самый день прїѣзда послы Никонъ еще съ утра сталъ одѣваться въ дорогу и торопилъ своихъ сожителей, говоря: «я уже готовъ, а вы что не собираетесь, смотрите скоро прїѣдутъ за нами». Въ нетерпѣливомъ ожиданіи онъ приказалъ даже вынести себя на крыльцо и сѣсть тамъ въ креслахъ. Окружавшіе, исполняя волю больнаго патріарха, думали однако, что онъ началъ уже впадать въ безпамятство отъ болѣзни и старости. Но вдругъ къ всеобщему удивленію къ крыльцу кельи подошелъ только что прибывшій въ Кирилловъ дьякъ Чепелевъ и тутъ

¹ См. у Шушерина, 100, 101.

же объявилъ патріарху царскую милость. Обрадовался старый патріархъ и, не смотря на крайнюю слабость, поднялся съ кресель, чтобы оказать почтеніе послу, говорившему отъ имени царя.

Медлить было нельзя. Ослабѣвшаго патріарха бережно посадили въ сани, не смотря на лѣтнее время года (чтобы избавить его отъ толчковъ и тряски), и повезли къ пристани на рѣкѣ Шекснѣ въ 6-ти верстахъ отъ монастыря. Здѣсь уже заранѣе были приготовлены струги (барки) для отправленія патріарха. Съ болѣшимъ трудомъ перенесли больнаго старца на стругъ и поплыли внизъ по Шекснѣ. Съ нимъ побѣхаль и кирилловскій архимандритъ Никита. За двадцать verstъ до впаденія Шексны въ Волгу ихъ встрѣтилъ бывшій келейный іеромонахъ Никона Варлаамъ, жившій съ нимъ въ Оерапонтовѣ. Его нарочно послалъ воскресенскій архимандритъ для встрѣчи Никона. Доѣхавъ до Волги, Чепелевъ хотѣль было слѣдовать дальше вверхъ по теченію Волги, но Никонъ пожелалъ, чтобы его везли внизъ по Волгѣ къ Ярославлю, тѣмъ самыемъ путемъ, которымъ онъ когда-то везъ мощи св. Филиппа. Жители сель и городовъ, расположенныхъ по Шекснѣ и Волгѣ, узнавъ о возвращеніи Никона изъ ссылки, выбѣгали навстрѣчу плывущимъ стругамъ и готовы были оказать патріарху и его спутникамъ всевозможныя услуги. Рано утромъ 16 августа, когда струги плыли около Толгскаго монастыря недалеко отъ Ярославля Никонъ почувствовалъ себя плохо и велѣль пристать къ берегу. Архимандритъ Никита, имѣвшій при себѣ запасные Дары, причастилъ умирающаго Никона Св. Таинъ. Отпѣли еще полверсты и остановились противъ Толгскаго монастыря. Игуменъ Толгскаго монастыря въ сопровожденіи всѣхъ монаховъ вышелъ на берегъ встрѣчать патріарха и здѣсь произошла трогательная сцена. Въ числѣ братіи оказался жившій здѣсь подъ началомъ бывшій игуменъ Спасскаго монастыря Сергій, который такъ много досаждалъ Никону въ тягостныя минуты послѣ его низложенія. Теперь Сергій, видя возвращающагося изгнанника при смерти, припалъ къ его ногамъ и со слезами просилъ прощенія, называя его «святителемъ Божіимъ и владыкой». Тутъ же онъ разсказалъ всѣмъ о бывшемъ ему видѣніи, которое и побудило его теперь придти сюда проститься съ Ни-

коюмъ. Умирающій патріархъ тотчасъ же простила своего бывшаго врага.

Стругъ медленно поплылъ далѣе и на другой день, 17 августа, остановился въ Ярославль. Жители во множествѣ сбѣжались на берегъ, толпами тѣснились на барку, стремясь получить отъ него благословеніе, цѣловали ему руки и ноги. Здѣсь то сказалась вполнѣ преданность народа къ возвращающемуся изъ долгой ссылки патріарху. Стругъ нужно было провести въ рѣку Которосль: народъ усердно началь помогать гребцамъ, многие тащили барку, бредя по поясъ въ водѣ, и такимъ образомъ довели ее до Спасскаго монастыря. Здѣсь вышли на встречу патріарху монахи этого монастыря во главѣ съ архимандритомъ. Между тѣмъ вѣсть о приѣздѣ патріарха Никона разнеслась по городу, народъ толпами валилъ къ нему, чтобы получить благословеніе. Умирающій Никонъ былъ утѣшень теперь любовью и вниманіемъ къ нему народа, но уже настолько изнемогъ, что не могъ говорить, и только даваль приходящимъ цѣловать руку. Архимандритъ Никита и дьякъ Чепелевъ, замѣчая, что Никону становится хуже, рѣшили прекратить народу доступъ на барку и съ этой цѣлью приказали перевести ее на другой берегъ рѣки.

День склонялся уже къ вечеру, въ церквяхъ города заслаговѣстили къ вечернѣй. Услышавъ звонъ, изнемогавшій Никонъ вдругъ оживился, началь осматриваться вокругъ, поправлять на себѣ руками волосы, бороду, одежду. Наступилъ его смертный часъ. Архимандритъ съ бывшими тутъ монахами и дьякомъ начали пѣть послѣдованіе на исходъ души. Никонъ спокойно служилъ руки на груди и издалъ свой послѣдній вздохъ на 77 году жизни. При такой необычной обстановкѣ завершилъ свое многотрудное житейское поприще этотъ замѣчательнѣйшій изъ русскихъ патріарховъ. Послѣ пятнадцатилѣтняго заточенія судьба, наконецъ, сжалась надъ нимъ, дозволивъ ему умереть не подъ тѣсными сводами кирилловскихъ келій, а на свободѣ, подъ открытомъ небомъ, на берегахъ родной ему рѣки Волги, въ присутствії многочисленной толпы народа, трогательно заявившаго свое сочувствіе къ нему, какъ своему любимому пастырю.

Архимандритъ Спасскаго монастыря съ соборомъ монаховъ отслужилъ литію надъ тѣломъ усопшаго патріарха въ присутствії городского воеводы и множества народа. Дьякъ

Чепелевъ тотчасъ же поскакалъ въ Москву съ вѣстью къ государю о смерти Никона. Царь надѣялся видѣть Никона живымъ и послалъ было за нимъ свою карету съ лучшими конями, но ѿхать въ ней, не пришлося Никону. Тѣло его положили въ дубовый гробъ и на особо устроенныхъ дорогахъ («возилахъ») повезли по дорогѣ въ Москву. На пути въ городахъ и селахъ духовенство съ народомъ выходило на встрѣчу, служило литіи. Близъ слободы Александровской игуменья тамошняго монастыря со своими 200 монахинями устроила торжественную встречу тѣлу почившаго патріарха. Въ Троицко-Сергіевой лаврѣ вышли навстрѣчу гробу Никона всѣ монахи во главѣ съ архимандритомъ Викентіемъ, который пошелъ потомъ провожать тѣло патріарха взамѣнъ кирилловскаго архимандрита Никиты, вызваннаго царемъ въ Москву.

Государь, получившій оть дьяка извѣстіе о смерти Никона, съ интересомъ спрашивалъ его о послѣднихъ дняхъ жизни Никона и обстоятельствахъ его смерти. Дьякъ подробно рассказалъ царю о кончинѣ Никона. На вопросъ царя, не оставилъ ли Никонъ духовной, дьякъ отвѣчалъ: «я напоминаль блаженному Никону о духовной, но онъ сказалъ мнѣ: не хочу я писать духовной, но скажу одно вмѣсто моей духовной: да будетъ миръ и благословеніе благочестивѣшему государю Феодору Алексѣевичу и всему его царскому дому, а о душѣ моей и о грѣшномъ тѣлѣ, о погребеніи и поминовеніи пусть царь распорядится, какъ ему угодно»¹.

Расторганный царь съ охотой взялъ на себя обязанности душеприказчика покойнаго патріарха и задумалъ устроить ему торжественные похороны. Онъ хотѣлъ было сначала, чтобы самъ патріархъ Іоакимъ совершилъ погребеніе Никона, но Іоакимъ соглашался на это только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы поминать Никона на погребеніи не патріархомъ, а простымъ монахомъ. Напрасно царь убѣждалъ Іоакима, бралъ на себя всю отвѣтственность предъ восточными патріархами, на которыхъ опять ссыпался Іоакимъ, обѣщалъ снова писать имъ отъ своего имени — Іоакимъ оставался непреклоненъ. Онъ отпустилъ вмѣсто себя новгородскаго митрополита Корнилія, давъ ему уклончивое распоряженіе поступать такъ, какъ велить царь.

¹ Шушеринъ, 105.

25 августа наканунѣ прибытія тѣла Никона въ Воскресенскій монастырь царь пріѣхалъ туда изъ Москвы съ боярами и всѣми многочисленными членами царской семьи. Митрополитъ Корнилій служилъ заупокойную всенощную. Рано утромъ 26 августа процессія съ гробомъ Никона приближалась къ Воскресенскому монастырю. За версту отъ монастыря на монастырскомъ мельничномъ дворѣ тѣло Никона внесли въ келью и одѣли въ особую одежду, еще при жизни заготовленную имъ для своего погребенія и хранившуюся въ Воскресенскомъ монастырѣ; сверхъ ея одѣли бархатную рясу, архіерейскую мантію съ папагей и схиму. Шушеринъ сообщаетъ, что при облаченіи тѣла Никона не было замѣтно на немъ ни малѣйшихъ признаковъ разложенія, не смотря на теплое время года и на то, что уже шелъ десятый день со времени его смерти¹. При колокольномъ звонѣ митрополитъ вышелъ изъ монастыря съ крестнымъ ходомъ и встрѣтилъ гробъ патріарха у часовни. Въ процессіи принимали участіе и самъ царь съ боярами. Всѣмъ розданы были особья заготовленныя на царскій счетъ свѣчи чернаго цвѣта отъ полуаршина до сажени длиной. Священники подняли гробъ патріарха и крестный ходъ двинулся обратно въ монастырь. Царскіе пѣвчіе пѣли стихиры, благочестивый царь самъ подпѣвалъ имъ.

Началась заупокойная обѣдня. По приказу царя Никона поминали патріархомъ. Во время пѣнія «приидите поклонимся» гробъ съ тѣломъ патріарха, согласно тогдашнимъ церковнымъ обычаямъ былъ внесенъ въ алтарь. На отпѣваніи самъ царь читалъ каизмы и апостоль и пѣлъ со своими пѣвчими. Когда настало время «послѣдняго цѣлованія», царь взялъ изъ подъ схимы руку покойнаго патріарха и поцѣловалъ ее, его примеру послѣдовали члены царской семьи, бояре и всѣ присутствовавшіе. Дубовый гробъ съ тѣломъ Никона вложень былъ въ другой — мраморный гробъ и похороненъ въ приделью Иоанна Предтечи подъ Голгооой на мѣстѣ, которое патріархъ самъ указалъ еще задолго до своей смерти. Вся церемонія погребенія тѣла Никона, включая сюда крестный ходъ, литургію и отпѣваніе, продолжалась $10\frac{1}{2}$ часовъ.

Послѣ погребенія царь одарилъ участниковъ въ немъ духовныхъ лицъ деньгами и вещами изъ ризницы Никона и

¹ Шушеринъ, 111.

его имущества, привезенного за нимъ изъ Кириллова монастыря. Онъ разсыпалъ потомъ архіереямъ на поминъ души Никона разныя вещи изъ его архіерейской ризницы. Патріарху Іоакиму онъ послалъ митру Никона, но тотъ ее не принялъ и отоспалъ обратно, желая этимъ показать, что онъ по прежнему признаетъ Никона простымъ монахомъ. Но вотъ спустя годъ послѣ похоронъ Никона получены были въ отвѣтъ на просьбу царя разрѣшительные грамоты отъ восточныхъ патріарховъ, которые снимали съ Никона соборное запрещеніе, возстановляли его въ прежнемъ санѣ и повелѣвали поминать его отнынѣ на ряду съ прочими московскими патріархами. Федора Алексѣевича тогда уже не было въ живыхъ († 27 апрѣля 1682 г.). Іоакимъ и тутъ было усумнился въ подлинности присланныхъ грамотъ, но долженъ былъ подчиниться опредѣленію вселенскихъ патріарховъ, сталъ поминать Никона патріархомъ и даже служить по немъ панихиды въ Воскресенскомъ монастырѣ. Честь многострадального Никона была, наконецъ, возстановлена, и съ того времени вся русская церковь поминаетъ Никона въ числѣ московскихъ патріарховъ.

Въ Воскресенскомъ монастырѣ донынѣ свято чтится память Никона; народъ почитаетъ Никона чудотворцемъ, разсказываетъ о его чудесахъ¹ и постоянно служить панихиды у его гробницы. Здѣсь висятъ его вериги (вѣсомъ въ 15 фунтовъ), которая онъ носилъ на себѣ во всю жизнь. И простолюдинъ и интеллигентъ въ раздумѣ останавливаются предъ гробницей этого необыкновенного человѣка, сдѣлавшагося изъ нижегородского крестьянина всероссійскимъ патріархомъ, и съ восторгомъ любуются «на дивный не имѣющій себѣ ничего подобнаго у насъ»² Воскресенский храмъ, построенный по мысли Никона и донынѣ остающійся «лучшимъ памятникомъ надъ гробницей великаго патріарха, которому по силѣ энергіи, широтѣ и величію дѣлъ нѣть равнаго между остальными патріархами русской церкви»³.

¹ Записи чудесъ при гробѣ Никона см. въ Чт. О. Ист. 1887, I.

² См. А. А. Навроцкій. „Русская Старина“ 1884 г. августъ. 255—270.

³ П. Ф. Николаевскій, 140.